

УДК

372.893+371.64/.69

ББК 4426.632-268.2 ГСНТИ 13.01.39 Код ВАК 13.00.02

И.В. Даренская

Нижний Тагил

**«ПОЛЕ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ И МАНИПУЛЯЦИИ»:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА 1930-Х ГГ. В
КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ И
ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая культура, методы управления и манипуляции, культура участия, политическое сознание и поведение населения Урала в 1930-х гг.

АННОТАЦИЯ. В статье ставится проблема определения типа и методов формирования политической культуры 1930-х годов. Автор сопоставляет научные концепции, изучающие особенности советской политической культуры 1930-х годов и содержание школьных учебников, освещающих взаимоотношения властных структур и общества в 1920-30-е годы.

I.V. Darenskaya

Nizhniy Tagil

**«FIELD FOR THE CONTROL AND
MANIPULATION»: THE POLITICAL CULTURE OF
THE 1930S IN THE CONTEXT OF THE
CONCEPTUAL THEORIES AND SCHOOL HISTORY
TEXTBOOKS**

KEY WORDS: political culture, methods of control and manipulation, culture of participation, political consciousness and behavior of the population of the Urals in the 1930s

ABSTRACT. The article highlights the problem of determining the type and methods of formation of political culture of the 1930s. The author compares the scientific concept of studying the peculiarities of the Soviet political culture of the 1930s and the content of the school textbooks covering the interactions between the government and society in the 1920-30s.

Формирование новой политической культуры является длительным процессом, зависящим как от складывающейся

отечественной политической практики, реализуемой в нормативных актах и в неформализованных обычаях, так и от политической культуры российского общества, развивающейся на основе преемственности. Успешность данного процесса будет зависеть, в том числе, и от переоценки на основе расширения информации опыта прошлого и последующего отражения достижений науки в школьных учебниках истории.

Так для понимания сущности и специфики современного бифуркационного периода необходимо взвешенно изучать общероссийский и региональный опыт политической жизни в кризисные, переходные периоды, что нами было реализовано на материалах Урала в годы «великого перелома».

Существующий спектр определений «политическая культура» можно разделить на два подхода. Классическое определение политической культуры, сформулированное Г. Алмондом и Г. Пауэллом, звучит следующим образом: «Политическая культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной политической системы. Это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение» (4. С. 593). В данном определении выделяются две характерные особенности. Во-первых, политическая культура понимается как совокупность ориентаций на политическую деятельность. Во-вторых, политическая культура предстает как структура ориентации, в которую включены: знания о политической системе, ее функциях, действиях; чувства относительно политической системы и политических деятелей (эмоциональные ориентации); суждения, мнения и представления о политической системе (оценочные ориентации).

В рамках второго подхода политическая культура понимается как система исторически сложившихся устойчивых ценностей, установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности. Как отмечает Е.В. Даринская, политическая культура складывается, с одной стороны, из тех политических

представлений, которые обусловлены традициями, обычаями, верованиями, передаваемыми из поколения в поколение, с другой стороны – из воспроизводства этих представлений в процессе изменяющихся условий политической жизни общества (6).

Таким образом, политическая культура – это поле, где в рамках взаимодействия «власть-индивид-общество» определяются элементы структуры: политическое сознание и поведение; политический опыт.

Из существующих трактовок понятий «управление» и «манипуляция», на наш взгляд, наиболее обоснованными являются следующие подходы. В широком смысле управление представляет собой целенаправленное воздействие на определенный объект с целью стабилизации или изменения его состояния таким образом, чтобы достичь поставленной цели. Манипуляция - один из способов психологического воздействия на личность или группу, направленный на достижение манипулятором своих целей путем незаметного для объекта подталкивания к осуществлению желаемых манипулятором проявлений активности, как правило, несовпадающих с изначальными намерениями объекта манипуляции. Возникает вопрос: насколько сопоставимы данные понятия? По мнению большинства исследователей, манипуляция - это одна из разновидностей управления, объединенная с ним наличием общей цели и разделяемая степенью этичности методов, где к типично-манипулятивным средствам относят: отвлечение внимания человека, снижение критичности объекта, изоляция, перехват инициативы, сокращение времени для принятия решения, затрагивание «струн души», имитация процесса принятия решения самим объектом, акцент на чувстве долга и ответственности человека, формирование стереотипов, искажение действительной ситуации.

Советская политическая культура 1930-х гг., представляющая собой синтез приходского, подданнического, партиципаторного типа взаимодействия власти и общества, являлась пространством, где в равной степени находили отражение методы управления и манипуляции. Формируемая политическая культура базировалась на трех «китах»: 1)

политическом сознании, включающем в себя идеологические (политические знания, ценности, убеждения) и психологические (эмоции, переживания, ориентации) компоненты; 2) активном политическом поведении (установках, типах, формах общественно-политической деятельности); 3) политическом опыте, сочетающем политические традиции, обычаи, политическую память общества.

Длительное время в советской историографии доказывался тезис о повсеместной партиципаторности населения, что вполне объяснимо, поскольку в поле изучения историков оказывались только конвенциональные типы социальных отношений. Советологи апеллировали тем, что всеобщая мобилизация общества на выполнение задач социалистического строительства требовала формирования как единственно приемлемой партиципаторной (участвующей) тактики поведения, что осуществлялось посредством коллективных (идеологических) и селективных (материальных) стимулов. Г. Бурдые в теории политического пространства и М. Вебер в «социологии господства» подчеркивали доминирующую роль власти в формировании стратегий и правовых оснований для реализации представительских полномочий. В отличие от «классических» интерпретаций властных отношений, авторы концепции «культурной рациональности» трактовали общественно-политическую активность как результат рациональной адаптации традиционных (пассивных) установок к требованиям институциональной среды. При этом главным фактором в выборе населением определенной стратегии социального поведения являлась не целенаправленная политика правительства, а сознательный выбор граждан, видевших в активном демонстрировании лояльности к власти необходимое условие удовлетворения материальных потребностей и повышения собственного статуса.

В настоящее время введение в научный оборот новых источников существенно скорректировало представление о безусловном «позитивном советском активизме».

В 1930-е годы распространялась формула «нового» человека: индустриальный человек + НОЧ (научно-

организованный человек) + УСКОМЧЕЛ (усовершенствованный коммунистический человек).

Вовлечение человека в политическое пространство происходило через традиционные каналы взаимодействия власти и общества, интерпретированные новыми управленческими структурами для воспитания «политически активного гражданина». Такими символично-ритуальными мероприятиями выступали партийные, комсомольские, профсоюзные собрания, производственные совещания, ежедневные политинформации, индивидуальные и коллективные «читки» газет, радиопередачи, обучение в системе партийного просвещения, торжественные заседания и демонстрации, «инициированное выступление в ВКП(б), символизирующее «передачу - переход» лучших рабочих в ряды партии. Центральные и местные власти стремились использовать все формы массовой работы, корректируя репертуары театров, планы отчетно-выборных кампаний, содержание вечеров «вопросов-ответов».

В этом контексте формировались основные черты политической культуры 1930-х гг. Авторы, исследующие этот феномен, дают неоднозначные и полярные оценки ее сущности: от негативной (как примитивной культуры тоталитаризма) до положительной (культуры единения и развития).

В основе политической жизни лежал сильнейший персонализм, а политические представления населения основывались на стихийном "вождизме". Также принципом общественной жизни являлся этатизм, а, следовательно, патернализм и ориентация гражданина на социальное восхождение вследствие занятия более высокой позиции в государственной иерархии. Также характерными признаками советской политической культуры были соотнесение всех своих действий и поступков с реализацией социалистической идеи как идеи мирового счастья. Общинность трансформировалась в коллективизм. В.С. Библер отмечал «почти восточный коллективизм, слипание индивидов в анонимный всеобщий социум», приводя в качестве примера отрывки из произведений В. Маяковского:

Я счастлив, что я этой силы частица,

*Что обиднее даже слезы из глаз
Сильнее и чище нельзя причаститься
К великому чувству по имени класс (5).*

Важными характеристиками политической культуры также являлись унифицированность политического сознания и поведения, тяготение к исполнительским функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью; высокая степень идеологизированности политической жизни; ориентация граждан на партию-государство как высший авторитет и фактически полная атрофия способности к политической самоорганизации и самостоятельному принятию политических решений.

Особенностью политической культуры было тотальное «двоемыслие». Дуалистическая культура нового советского человека состояла из молчаливого «операционного кода», складывающегося из реальных правил деятельности и представлений относительно функционирования политической системы. Согласно мнению В.В. Разуваева, советский человек лишь внешне производил впечатление послушного и лояльного гражданина (7).

Парадокс ситуации заключался в том, что формируемая правительством политическая культура, замыкаемая на проявлении лояльности и доверия к властным структурам, сводилась к готовности к демонстрационным актам в их поддержку.

Вступая в противоречие со статистическими данными, фиксирующими 70-80%-ную степень вовлечения населения в политические кампании, в переписке партийных и советских органов констатируется общественная пассивность «большинства». Анализируя ее причины, стоит отметить сохранение у населения традиционного представления о характере участия в политической жизни, приобретенный «инстинкт невмешательства» и заикленность на индивидуальных повседневных проблемах. Социальной активности общества препятствовала политическая неграмотность и слабый интерес населения к идеологической литературе. Согласно сводкам Пермского окружного Совета, «читаемость» политической периодики достигала лишь 1,4 %,

интерес к газетным статьям руководящего характера составлял 8,55 %, вопросами социалистического строительства интересовались 23 % граждан, а отсутствие интереса к местной газете «Искра» проявляли 100 % населения округа (1. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1188. Л. 19).

Шаблонность и ритуальность политических кампаний, когда ранее допускаемая свободная дискуссия постепенно заменялась 100%-м голосованием за заранее подготовленные резолюции, не подлежащие обсуждению, приводила к формированию двойственности общественного сознания: механической поддержке решений на собраниях и активному «товарищеско-кулуарному» обсуждению актуальных вопросов в неформальной обстановке. Само население отмечало неэффективность механизмов представительства: «зачем ходить на эти собрания, когда не видно от них результата, так как сколько ни выносилось постановлений и предложений, а администрация их в жизнь не проводит, значит от совещаний никакой пользы» (2. Ф. 2. Оп. 5. Д. 26. Л. 281; Оп. 6. Д. 250).

Таким образом, в результате целенаправленной политики сформировалось три типа политического поведения. Первая группа населения, искренне верящая в социалистические идеалы и выбравший путь их реализаций, являлась социальной опорой правительства.

Вторая группа (по выражению Ю. Левады «человек приспособленный») осознавала политическую лояльность как наиболее приемлемую стратегию взаимодействия с властью. Третья модель («человек недовольный») состояла из «обиженных» властью, социальных аутсайдеров, «всегда несогласных» или «идейно чуждых». Анализ информационных сводок различных органов позволяет говорить о существовании типологии «недовольных режимом». Первый тип включал представителей старшего поколения, задействованных на производстве, критика власти которыми сводилась к недовольству существующим материально-бытовым положением. Второй тип самоидентифицировал себя как «неимеющих влияния на политическую жизнь и оставшихся не у дел, но в свое время принимающих активное участие в свержении царизма» (2. Ф. 2. Оп. 6. Д. 14. Л. 22). Третий тип - «активное меньшинство», отрицающее возможность социального диалога и конструктивного сотрудничества с властью. Помимо упора на доверительные отношения,

граничащие с фамильярностью, они прибегали к угрозам, заявляя, что в противном случае будут играть в дудку наших врагов» (2. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. Л. 112 об.). Концентрировано этот подход нашел отражение в письме «непартийного» автора: «Хоть вы завязали рот обывателю, но истины не скроешь, если нельзя протестовать активно, то начинаешь сопротивляться пассивно» (2. Ф. 2. Оп. 6. Д. 14. Л. 18). Отметим, что большинство индивидуальных высказываний являлись коллективными по содержанию. Авторы апеллировали мнением всего народа: «Не надо забывать, что романовское царство существовало 300 лет, ВКП (б) только 10, и если народ захочет, то заставит смотать все партийные дела» (3. Ф. 483. Оп. 8. Д. 118. Л. 104).

К сожалению, те выводы, к которым приходят авторы научных исследований, не в полной мере находят отражение на страницах школьных учебников, в основном, содержащих сугубо авторскую позицию, отраженную в названии и содержании параграфов, характеризующих политическую жизнь 1930-х гг.

В силу сложности изучаемых политических процессов, нами были проанализированы только учебники истории для 11 класса. Наибольшее отражение проблемы политической системы 1930-х гг. нашли в учебниках О.В. Волобуева (8.1), А.А. Данилова (8.2), В.С. Измозика (8.3), А.А. Левандовского (8.4), А.О. Чубарьяна (8.5), В.А. Шестова (8.6).

Во всех проанализированных учебниках используется только термин политическая система и не встречается понятие «политическая культура». Характеризуя общество этого периода, авторы используют следующие понятия: «партия-государство» (8.1, 8.3), «мобилизационная политическая система, основанная на жесткой централизации управления, подчинении всех государственных и общественных структур» (8.2), «сталинизм, отличающийся крайним догматизмом и непримиримостью к инакомыслию» (8.3), «конструкция режима личной диктатуры» (8.4), «общество государственного социализма» (8.4).

Хотя в текстах учебников не содержится термин «политическая культура», авторы, различаясь в степени оценки,

выделяют следующие черты политической жизни, определяющие сознание и поведение общества:

1) «Вождизм». Иллюстрируя данный феномен, авторы учебников прибегают к юмористическим формам, например, к анекдоту: «Идет конкурс на лучший памятник Лермонтову. Победил памятник, удостоившийся первой премии....Позвольте, но ведь это памятник Сталину...Но у него же в руках томик Лермонтова» (8.1. С. 149; 8.4);

2) Всеобщая регламентация, приводящая к вторжению государства во все сферы жизни, вытеснению личных интересов общественными. Для подтверждения этого феномена, приводится цитата историка В.С. Лельчука: «все зависит от умения партии мобилизовывать массы. Отсюда и политические цели: никакого разномыслия, все подчинено генеральной линии, личное - ничто, общественное - все» (8.3. С. 168);

3) Предельная идеологизированность и политизированность общества, для отражения которой в учебниках приводятся имена-политаббревиатуры: Даздраперма (Да здравствует Первое мая), Ким (Коммунистический интернационал молодежи), Классполит (Классовая политика), Красармия (Красная армия), Кэт (Коммунизм, электрификация, труд), Совла (Советская власть);

4) Использование специфических методов. Необходимо отметить, что если авторы учебников (8.2; 8.4; 8.5) используют термин «методы управления», то авторы учебников (8.1; 8.2; 8.6) акцент делают на методы манипуляции, к которым относят поиск виновных, систему пропагандистского обмана, систематическую дезинформацию об итогах развития страны, представление фальсифицированных политических процессов как справедливого возмездия. Особенно в этом отношении выделяется учебник О.В. Волобуева, который прямо заявляет, что «власть умело манипулировала своим народом, мобилизуя его то на ударный труд, то на борьбу с врагами (8.1. С 157);

5) Наличие широкой структуры общественных организаций, в которые была вовлечена основная масса населения страны, среди которых: партия (свыше 2 млн. членов), Советы (свыше 3,6 млн. депутатов и активистов),

комсомол (9 млн. человек), пионеры, профсоюзная организация (27 млн. членов), творческие союзы (8.4. С. 178).

Характеризуя политическое поведение населения страны, авторы приводят как различные поведенческие реакции жителей, так и делают акцент на приспособленческих и неконвенциональных формах поведения (учебники 8.1; 8.3; 8.6). Например, О.В. Волобуев приводит следующие штрихи к портрету времени: «В речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Сталин выдвинул шесть условий развития промышленности. К «шести условиям» народ придумал пять добавочных: солнечное отопление, лунное освещение, заочное питание, райское одяние и гробовое молчание. Были также предложены «шесть заповедей» для безопасности советского гражданина: подумай, если подумал, не говори; если сказал, не записывай; если записал, не печатай; если напечатал, не подписывай; если подписал, отрекись» (8.1. С. 152).

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в последнее время все же был преодолен «черно-белый» взгляд на историю 1930-х гг. В исследованиях историков, политологов, социологов, основанных на значительном спектре источников, содержатся взвешенные, скоррелированные выводы. Следующей задачей общества, заинтересованного в формировании гражданской политической культуры в России, является обеспечение отражения этих выводов в школьных учебниках.

Источники:

1. Государственный архив Пермского края.
2. Пермский государственный архив новейшей истории.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Литература:

4. Алмонд Г. Гражданская культура и стабильная демократия // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II.
5. Библиер В. История культуры и «ствол» нравственности // Библиер и вокруг. URL: http://www.bibler.ru/bim_ng_nravstv.html (дата обращения: 10.12.2013)

6. Даринская Е.В. Политическая культура современного российского общества // НПЦ «Социосфера» URL: <http://sociosphera.com/publication/conference/2013/174> (дата обращения: 30.11.13)
7. Политическая культура России: традиции и современность // Credo New. 2011. №3 (67). С. 268-276. URL: <http://aspirantspb.ru/forstudents/rusculture> (дата обращения: 20.11.2013)
8. Учебники: 1. Волобуев О.В. История России, XX – начала XXI вв.: 11 класс, учебник для общеобразовательных учреждений (базовый уровень) / О.В. Волобуев, С.В. Кулешов. – 4-е изд. М.: Мнемозина, 2009. 335 с; 2. История России, 1900-1945: 11 класс. - Учебник для общеобразовательных учреждений / А.А.Данилов, А.В.Филиппов. 2-е изд. М.: Просвещение, 2012. 447 с; 3. Измозик В.С. История России: 11 класс. Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / В.С. Измозик, С.Н. Рудник. 2-е изд. М.: Вентана - граф, 2013. 384 с; 4. Левандовский А.А. История России, XX – начала XXI вв.: 11 класс, учебник для общеобразовательных учреждений (базовый уровень) / А.А. Левандовский, Ю.Щетинов, С.В.Мироненко. 4-е изд. М.: Просвещение, 2010. 384 с; 5. История России, XX – начала XXI вв.: 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений (профильный и базовый уровень) / А.О. Чубарьчн, А.А. Данилов. 4-е изд. М.: Просвещение, 2011. 302 с; 6. Шестов В.А.. История России, XX – начала XXI вв.: 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений (профильный уровень) / В.А. Шестов. 5-е изд. М.: Просвещение, 2011. 399 с.